

Александр Зорич

# Раш-Раш



*Часть сборника  
У солдата есть невеста  
(сборник)*



Александр Зорич

**Раш-Раш**

«Автор»

2004

## **Зорич А.**

Раш-Раш / А. Зорич — «Автор», 2004

«Тяжело ступая по розовому зернистому снегу – это вызолоченные закатные тучи добавили ему колеру – Бат Иогала пробирался вверх по горной тропе. Снег шел давно, да такой обильный, что тропа едва угадывалась. Если он потеряет дорогу и не найдет себе убежище до темноты, ночевать придется в сугробе. Мысль о таком ночлеге сообщала движениям Бата живость, в его случае тем более примечательную, что не отдыхал он с самого утра. С механической монотонностью, по которой всегда отличишь опытного ходока, двигались ноги Бата, обутые в высокие охотничьи сапоги на собачьем меху...»

© Зорич А., 2004

© Автор, 2004

## Александр Зорич Раш-Раш

Тяжело ступая по розовому зернистому снегу – это вызолоченные закатные тучи добавили ему колеру – Бат Иогала пробирался вверх по горной тропе.

Снег шел давно, да такой обильный, что тропа едва угадывалась. Если он потеряет дорогу и не найдет себе убежище до темноты, ночевать придется в сугробе.

Мысль о таком ночлеге сообщала движениям Бата живость, в его случае тем более примечательную, что не отдыхал он с самого утра.

С механической монотонностью, по которой всегда отличишь опытного ходока, двигались ноги Бата, обутые в высокие охотничьи сапоги на собачьем меху.

За его спиной ворочался лук. На поясе отсиживались в ножнах с фатоватыми эмалевыми накладками два кривых ножа – длинный и широкий.

Ох и страшен же бывал Бат, когда сжимал левой Чамбалу, так звали долговязый нож, а правой Кую, так звали коротышку, оскаливался по-боевому и, надувши живот, кричал удалое «йе-йе-ги-и-и»!

Даже в медвежьем сердце возбуждал страх Бат Иогала своим криком.

Двадцать шесть медвежьих шкур, отданных Батом перекупщикам жаркого и ласкового товару в прошлый сезон, были лучшим тому подтверждением. Со зверьем потише да пониже разговор у Бата выходил совсем уж коротким: шкуру – чулком, мясо – собакам, и домой, брагу пьянствовать.

Бат был потомственным зверовщиком. И, конечно, фамилию Иогала он присвоил себе против правил. Ведь смердам фамилии не положены. Да и не нужны.

Однажды на постоялом дворе он услышал от бродячего песняра сказ о Бате Иогале, тиране Ирвера.

Тиран «имел трех сыновей и каждому из них нанес намеренно увечье» – мелодично гнул песняр. Одного сына – ослепил, другого – оскопил, третьему проткнул спицей барабанные перепонки. Чтобы сыновья не заносились в гордыне, от которой до междоусобицы и раздела царства рукой подать. Но, сплоченные увечьями, держались друг друга, управляли царством сообща и несли бремя власти в смирении и взаимной любви, пусть и принудительной.

Бату очень понравилась эта история: не столько драматургией, сколько пафосом насаждения своей тиранической воли. Растроганный Бат даже подарил песняру свои енотовые рукавицы. Носи, мол, береги пальцы.

С тех пор Бат решил назваться Иогалой – и звучит внушительно, и, как говорится, «со значением».

Позднее, после одной особенно удачной охоты, когда его сума отяжелела от рябчиков, а конь, запряженный в волокуши, едва ступал – там холодели две кабарги, козюля и лиса – Бат подвел под свое прозвище теорию.

«Я над ними тиран, над этими зверями. Точно так же, как тот Иогала тиран был над Ирвером.»

Тучи, чреватые пудами, тысячами пудов липкого снега, топтали Птичью долину.

Вершины и высокие перевалы было не разглядеть – там, где рисовал снежные шапки и шлемы солнечный день, теперь обманывала сизая, с черными проточинами, фата-моргана.

Правда, облака там, вверху, были другими – поджарыми, ломкими, быстрыми.

Они скоро менялись местами, тревожно слоились и деликатно сталкивались. Где-то вдалеке, в стороне вершины с игривым названием Поцелуйная, неслышно блеснула молния.

Бат насупился и недовольно причмокнул. Он вырос в горах и знал: когда такие тучи, когда наверху теплынь и молнии – жди сходня, лавины.

«Что это придумала молодая княжна? Какой осел промышляет в начале весны, – тем более барса? Ведь течка у маток! Уходят они высоко, дерганые становятся, об этом деле только и думают. И дерутся в охотку – страшно бьют, лапой рвут животы собакам, давят их, как кутят... Княжне все хихоньки-хахоньки, а мне тут шуруй...»

Впрочем, днем раньше Бат был на этот предмет другого мнения.

За живого барса обещали сто монет серебром – как за десять отменных медвежьих шкур.

Тут было ради чего стараться. Бат любил серебро – не столько как послушливую субстанцию, что быстро превращается во вкусную еду и блудливых женщин, сколько как объект художественный. Серебряные кругляши с бровастой императрицей не давали покоя безымянному лилипуту, что живет в каждом человеческом глазе и по членам которого от раствора алых губ иной светлокудрой красавицы или от солнечного покоя прекрасного пейзажа пробегает экзастическая судорога.

Добывать зверей живыми Бат умел и любил. Не один зверинец был заселен его трудами. И держатели зверинцев – рангом от барона и выше – оказывали Бату нечто вроде почета.

Да, в ловле этой был для Бата свой азарт. Совладать с живым барсом – вот это дерзновение! Его и убить-то непросто, как упадет на спину, как пустится лапами отбивать, живучий, быстрый...

Но как раз на такой случай у Бата была сеть. Вот упадет «кошуратик» на спину, вот пустится лапами отбивать – а он его сетью-то и накроет!

Главное – не мешкая присобрать ее, спеленать усатого негодника. И за веревку его, волоком вниз, по снегу легко пойдет, может разве шерсть на боках пострадает. Ну да шерсть – не уши, отрастет лучше прежней, на княжеском-то харче.

Похвалиться поимкой живого барса Бат не мог. Но вот матушку-рысь ему добывать живой случалось. Барс, рысь, какая разница?

Было и еще одно обстоятельство, которое распалило Бата Иогалу.

Несчастливого барса этого добывали для зверинца княжны уже второй год. И пасти ставили, и капканы, и загоном теснили. Приманки, напитанные снотворным зельем, раскидывали по звериным тропам.

Без толку.

«Ну, с приманками все ясно. Будет барс тебе упасть есть, как же! Разбежался! Ему подавай свежину!» А вот с остальным ясности было меньше.

Сказывали, будто четырежды загонщики уже почти держали голубу за уши. И четырежды он уходил.

«Хитрый очень, осторожный! А может, кто-то ему уйти помогает... Может, духи гор, а может наш брат, человек...» – пожимали плечами очевидцы.

«Да он и не барс никакой, но оборотень! Уж больно часто след рвется, словно под землю он уходит... А случается, вдруг человеческий след невесть откуда на тропе... А потом снова кош-кин...» – добавляли другие.

Словом, небывальщины Бат наслушался за три дня – на год хватит пересказывать.

Сначала он высмеивал пустобрехов, потом рукой махнул.

Плохой охотник он чем от хорошего отличается? Хороший – с трофеем идет. Плохой – с рассказом.

Призрак тропы привел Бата к подножию серой скальной твердыни, такой крутой, что казалось: она вот-вот рухнет, прямо на голову тебе.

Бат пошел вдоль, между делом размышляя над неудачливой своей долей. Вниз – опасно и поздно. Вверх – бессмысленно. Крыши над головой нет, как и конца тропе. Сил, дров, спасительных мыслей – тоже.

Нет, не впервой было Бату терпеть лишения, ночевать на протопленной собственным теплым животом прогалине, укрывшись соленым от пота тулупом.

Но перспектива топить прогалину животом от этого не делалась приятней.

И потом, одно дело претерпевать ради добычи, ради шепотка славы и завистливых взглядов. Совсем другое – когда знаешь, что добыча уже испарилась. Чутье охотника нашептывало Бату – барс снова ушел. Ускользнул. «Утек». И упустили его – те самые простофили, которые с рассказами.

«Я бы не упустил», – бормотал себе под нос Бат, гневливо сжимая красный кулак.

Холодало. Снег под ногами начал поскрипывать.

«А ведь без костра недолго замерзнуть.»

Бок о бок с ножами на поясе Бата висел сигнальный рог – можно позвать подмогу. Но толку в том? Он отошел от товарищей слишком далеко. Соблазнился свежим круглым следом с ясными отпечатками мякишей, следом молодого барса.

«А все гордыня! Правильно тиран Иогала сынков своих учил. Заноситься – себе дороже. Держался бы своих, не выёживался – не дошел бы до жизни такой... Вот займется сходень – и нету Бата!»

Но судьба над ним сжалилась. Текучий серый пух сумерек уже почти сомкнулся вокруг путника непроглядным коконом, когда он обнаружил низкий, закопченный вход в пещеру.

Чиркнул огнивом.

От этого искристого звука родился огонь, сначала робкий, затем цветущий жарко и уверенно – у предусмотрительного Бата была припасена на такой случай просаленная тряпка.

Пещера оказалась довольно просторной и вдобавок обжитой.

В новорожденном свете факела Бат осмотрел ее и улыбнулся сдержанной улыбкой человека, который честно заслужил свое везение.

Его блуждания по горам оказались ненеприятными – он набрел на покинутое жилище отшельника!

Невдалеке от входа был сооружен и заботливо огражден камнями очаг.

В дальнем углу желтела изрядная куча соломы, служившая, вероятно, отшельнику постелью. Вот завалиться бы туда, прямо так, прямо сразу!

Под подошвой сапога негромко хрустнуло и Бат опасливо подобрался. Змея? Крыса?

Нет, нет. Пол был щедро усыпан крошечным торфом и серыми смолистыми артишоками – тонким еловым хворостом. Бат удовлетворенно крякнул: поросенка на этом не зажаришь, но на чай должно хватить.

Он уже собрался было заняться костром, когда вдруг, словно бы повинувшись чьему-то неслышному приказу, оглянулся.

На добросовестно отбеленной известью стене пещеры желтой охрой в черной обводке было начертано:

«Океан души не имеет дна. Океан судьбы – берегов. Океан печали – воды.»

Читать Бат не умел, что сэкономило ему немало мыслительных сил. Но саму надпись он посчитал хорошим предзнаменованием.

«Не иначе как святой муж тут жил. А не ведьмак какой-нибудь.»

По мнению Бата, ведьмак писать на стене не стал бы. Такой нарисовал бы клыкастого, взлохмаченного демона, оскалившегося встреч зрителю. Причем не охрой, а красной человеческой кровью, высосанной из трепещущей жутью жилки невинной жертвы. Бат нахмурил брови и оставил надпись в покое.

Постель аскета Бат нашел сухой и мягкой – он попробовал ее рукой. Тут его ждал еще один подарок: оказалось, соломенное ложе водружено на невысокий помост из горбыля, связанного лыком в некое узнаваемое подобие лежанки.

На этом горбыле можно было изжарить и поросенка, и цельного кабана.

А из сушеного мяса и рассыпчатого пшена, что дожидались своего часа в переметной суме, складывался ужин – топи только снег да дров подкладывай!

Бат так увлекся своими уютными мыслями, что не сразу заметил гнездо серохвостки. Неряшливое, но старательно опушенное изнутри, гнездо было устроено в дуплистом углублении возле самого входа в пещеру.

В гнезде ерзали четверо сонных птенцов. Еще голеньких, но уже зрячих.

Они сонно тарачились на Бата, искательно вытягивали свои уродливые морщинистые шеи и благоразумно помалкивали.

Своим появлением в пещере Бат подписал всем четверым смертный приговор – мать-серохвостка никогда не возвратится к гнезду после того, как рядом с ним побывал чужак. Такова ненависть горных птиц к человеческому роду.

Бат живо скинул лук, переметную суму, тулуп, стащил мокрые сапоги и принялся разводить огонь.

Ночь снаружи стала чернильно-черной. Лишь изредка одичалый ветер задувал в пещеру снег – словно бы горстями его подкидывал.

Золотистое озеро каши с бурыми лодчонками мяса. Озеро пузырится, облизывает неровные стенки котелка, исходит сырыми запахами.

Босой Бат, по пояс голый, помешивает варево походной ложкой.

Широкое, с кустистыми бровями лицо Бата стало чумазым – отсыревший за зиму горбыль занимался трудно, коптил и пыхтел.

Очаг тоже оказался мокрым, словно бы кто-то нарочно справил в него малую нужду. Вдобавок он был полон золы и черного старого мусора – фруктовых косточек, рыбьих костей, останков убогой глиняной утвари и непрогоревших суковатых головешек. В куче этой – очаг пришлось от нее освободить – Бату даже померещился намек на расколотый череп, не то обезьяний, не то детский.

Когда дрова наконец занялись, пещеру заволокло дымом.

– Эй, полегче, полегче! – Бат машет руками, заслоняясь.

Разомлев от долгожданного тепла, вши, что обитают в швах кожаных штанов Бата, принимаются трапезничать. Но Бат не спешит.

Привычно почесываясь, он неотрывно следит за тем, чтобы пшено не разварилось в размазю.

Вот он похищает ложкой лакомую горку, трепетно снимает с нее губой, вдумчиво пробует сладкие, желтые зерна и, бормоча промежуточный поварской вердикт, снова кланяется очагу – взбодрить кочергой угли.

Бат дожидается нужного момента, чтобы приправить варево специями – солнечной куркумой, чихательным черным перцем, горячим имбирем и перемолотым в ароматную пыль листом лавра. Если добавить смесь раньше времени, запах специй испарится что твой барс. А если опоздать, каша и мясо не пропитаются как следует величавым травным духом. Да-да, Бат был на свой лад гурманом.

Когда приправа и каша сошлись самым гармоничным образом, а костер наконец установился, снаружи, возле входа в пещеру, закрипел снег.

Бат сам не заметил, как в правой руке у него оказался коротышка Куя, а в левой – долговязый Чамбала. Он привстал, испытывая взглядом снежную чернь входа.

"Кто там может быть? Медведь? Невероятно! Ланка? В такую-то погоду? Да нет. Из наших кто-то? Или из *не* наших?"

Рука с коротким метательным ножом ушла за плечо, изготовилась.

Рука с длинным застыла.

Бат отступил от костра в темноту – чтобы лучше видеть.

Скрипучая возня снаружи обратилась вдруг деликатным шорохом... А вот и незванный гость!

Юноша был худ, почти не одет и, вдобавок, стоял на четвереньках. Впрочем, никаким иным образом попасть внутрь жилища отшельника было невозможно – Бат и сам в этом убедился.

Оружия при странном юноше не было. Отсутствие одежды – не считать же таковой набедренную повязку из грубой шерстяной ткани – свидетельствовало о низком общественном положении отрока. Вместе с тем его ухоженная кудрявая шевелюра и гладкая, чистая, жемчужная кожа намекали на некие необычные и таинственные обстоятельства.

Снаружи было по-ночному морозно, но юноша озябшим не выглядел.

«Тоже аскет, что ли? Может, сам хозяин пещеры?»

Бат опустил метательный нож, но с места не сошел. И хотя котелок было пора снимать с огня, Бат решил погодить.

– Чего надо-то? – спросил он.

Вместо ответа юноша обвел пещеру затравленным взглядом и что-то промычал себе под нос. Бат не разобрал – что.

– Чего ты там варнакаешь? Не слышно!

Юноша продвинулся еще на два шага и присел возле костра на корточки. Уперся растопыренными пальцами в землю. И словно бы с усилием что-то проворчал.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.